ВОВА ФЕТТ

СЕРАЯ ПОЛОСА. НЕВОШЕДШЕЕ

КУРЬЕР

Annotation

Последний Курьер движется вдоль бесконечной Дороги в мире, где кроме нее ничего не осталось. Он пытается найти Адресата и выполнить последнюю в своей жизни доставку письма. По пути он встречает разных персонажей, посещает странные локации и рассуждает о природе жизни и времени.

Каждая глава является данью уважения книге или другому произведению, которые вдохновили меня на создание "Серой полосы" и содержат различные пасхалки и отсылки

- Начало
- Желтая Стрела
- Град Обреченный
- Пикник на Обочине
- Дорога
- А в раю одиноко
- Конец

Серая Полоса. Невошедшее: Курьер

Начало

[спойлер алерт к эпилогу "Серой полосы"]

Курьер смотрел на письмо в руках и силился вспомнить, кто ему его вручил. И вообще, что было вчера? Месяц назад? Год? Из головы как будто выкинули все лишнее, кроме одного — есть письмо и его надо донести до Адресата. Все к этому обязывает — в том числе фуражка на его голове и сумка на плече. Это форма. Роль. Функция, которой его наделила Дорога.

Он помнил, что место, где ему дали письмо сильно отличалось от остальной Дороги и что его отговаривали. Уйти мог только сумасшедший. Обычный курьер бы никогда не взялся за такую работу. Были те, кто отказался.

Но он был необычный. Он знал, что это последнее поручение, которое он берет. Последняя весть, которую ему нужно донести.

Автор письма тоже расплывался в памяти. Он называл его или ее Отправителем. Как будто помнить заказчика было неважно, как будто туда, где остался заказчик не возвращаются. Курьер, впрочем и не планировал.

Путешествие ему давалось легко. Как будто мир сам поддерживал его последнюю цель. К тому же неожиданно просто двигаться, когда на тебя не давит вес памяти. Ничего не тащит назад. Никакие надежды не связаны с сейчас. Все события, которые есть у тебя в жизни еще не произошли. Еще он понял, что когда-то очень много знал о Дороге. Пробка, Продвижение, Немир, Обочина, Город — термины всплывали в его голове сами собой. Он любил об этом рассуждать, это было забавно — философствовать на темы, которых не помнишь. Еще он понимал, что его голова принадлежит очень умному и опытному человеку. Как минимум, потому что его мысли, как ему казалось, были шире Дороги и не двигались только вдоль нее. Он знал — мозг извилист по своей структуре и возможно по этой причине не думает прямо. Дорога — удобный вектор, смотри вперед, двигайся туда же и, в принципе, больше ничего от тебя не требуется. Для этого ты родился, недолговечный кусок мяса, чтобы продолжать родительское дело, двигать менее недолговечный кусок железа по серой полосе.

Что это? Воспоминание из прошлой жизни? Он знал только, что так и проходит жизнь и когда-то, очень давно, он решил, что у него все будет иначе. И именно поэтому он сейчас здесь, на голове у него фуражка, а в сумке письмо.

Он был точно уверен, что найдет Адресата. Как минимум потому что знал — его история уже рассказана, рассказана самой дорогой, просто он сам не может этого осознать, потому что не знает, как устроено время. Он думает, что оно бежит вперед, как и все люди — летит вдоль Дороги.

Он пытается уловить эту идею, но она ускользает как сон. Слишком привычно думать, что за спиной — прошлое, а впереди — будущее. И вот она эта линия, с которой не свернешь, упруго выкидывающая тебя обратно в действительность при любой попытке думать немного шире серой полосы. Будущее впереди, но это чушь, каждый курьер знает — чем дальше вперед, тем старее и обветшалее автомобили, тем архаичнее общество. И наоборот, если идти против движения, то машины будут свежее, молодежь продвинутее, а общество — светлее и приятнее. Кто всю жизнь движется по Дороге привык и время воспринимать как дорогу — неподвижную узкую полосу без поворотов, которая постоянно несет тебя вперед. Но это неверно. Как минимум потому что есть встречная полоса. А значит, можно двигаться обратно во времени. Сначала найти Адресата, вложить ему письмо в руку, а потом пройти весь трудный путь спиной вперед, пообщаться со всеми встречными, узнать какой еще бывает Дорога, потом — прийти в эту точку, а может и еще дальше и наконец-то получить уже доставленное письмо из рук Отправителя.

И тогда, возможно, вернется память, и Курьер вспомнит, кто он и что за путь он проделал. Да, так точно можно, стоит попытаться…

Курьер стоит с закрытыми глазами посреди серой Дороги. Да, думает он. Самое время вернуться к началу.

Желтая Стрела

Курьер сидел на краю раскладушки и уныло мотал головой — она была крайне тяжелой после беспокойного сна. В уголках рта скопилась слюна, сальные волосы чесались, глаза хотелось тереть так, чтобы раздавить их вовсе.

Дорога куда масштабнее, чем люди привыкли думать. И вся ее грандиозность сейчас давила на Курьера всем весом. Ему, как минимум, повезло, что он Курьер.

Изящная форма мягко-голубого цвета, фуражка и объемистая почтовая сумка из рыжей кожи — все это говорит само за себя. Открывает все двери сердца. Во всяком случае здесь. Где еще помнят и знают, кто такие курьеры. Никто не посмеет отказать, никто не скажет грубого слова, если уставший вестник обопрется на автомобиль, чтобы немного передохнуть.

Потому что нет ничего важнее того, кто несет весть.

Поэтому у Курьера сейчас есть раскладушка, а вчера был ужин. Хозяин раскладушки вчера сказал, что есть даже гидрант — ближе к Железке.

— Что за Железка? — спросил Курьер, не особо, впрочем, заинтересовавшись. Очередное чудо Дороги какое-нибудь, сколько их он уже видел? Да, он не помнит, но эта скука, которая появляется каждый раз, когда люди с придыханиям говорят о своих достопримечательностях, говорит сама за себя.

— Да Железная дорога, — мужик почесал голову, стараясь придумать, как объяснить получше, — что-то типа нашей, только железная и прям поперек проходит… из Немира в Немир, понимаешь?

Другой мир. Перекресток. Что ж. И не такое видели.

Он сложил раскладушку так, как ему показывали, но, кажется, все равно сделал это неправильно и понес возвращать. Вокруг текла жизнь какого-то совсем бедного участка Пробки — здесь не было ни пожарной машины, ни реанимации, даже автобуса с душем. Лишь центральное место — поднятый гидрант. Над которым неприлично надругались, переделав его во что-то, что хотелось назвать

водоразборной колонкой, хотя Курьер и с трудом понимал, откуда в его голове этот термин. Вернув раскладушку, он туда и направился.

К колонке тянулась очередь из людей с ведрами и бутылками. Курьер хотел умыться и пополнить свои походные запасы. Простояв минут сорок, он, наконец, получил доступ, умылся ледяной водой, напился вдоволь, набрал бутылки и отошел в сторону, уступая следующим в очереди. Он с удовольствием бы помыл голову, но за ним набралось порядочно народу и это очень давило.

Он надеялся лишь, что ему попадется полноценный душ сегодня или завтра.

Он размял плечи, покрутил головой, надел сумку и рюкзак — и отправился дальше, как делал это каждое утро уже, кажется, тысячу раз. А может и гораздо больше — мало ли что было там, за завесой, которая отрезала ему память, оставив только письмо и Адресата. Но лучше об это мне думать. Память — бремя. Тоже мысль откуда-то оттуда, из-за завесы. Но оно — предупреждение и лучше ему следовать

Куда проще думать о стертых ногах, вонючих общагах, в которых он ночевал, и об ушибленном о чье-то зеркало локте.

Другой мир показался. довольно быстро — солнце еще не перевалило через ось Дороги.

Две металлических ржавых колеи уходили влево и вправо, возвышаясь над Немиром на насыпи, насколько хватало взгляда. Они шли параллельно друг другу, а опорой им служили часто лежащие поперечины из бетона, такого же, как Барьер, который здесь прерывался.

Действительно, Перекресток. Вот только совершенно разных по устройству дорог.

Справа, немного подальше в Немире на этой Железке стояли непривычные машины, напоминающие автобусы общежитий, только больше и длиннее. Они были сцеплены вместе в одну цепь, которая терялась из виду дальше в Немире за деревьями. В одной такой сцепке могло бы поместиться очень много жителей. И им даже необязательно было бы выходить наружу — да им бы и некуда было, машины занимали всю ширину этой странной дороги и двери, по факту, вели прямо в Немир. К тому же порог дверей из них находился высоко и прямо говорил, что здесь эти двери открываться не намерены.

И там никого не было. Желтая краска облупилась со стенок, а под ней проступила ржавчина. Стекла в окнах были мутные, а кое-где вообще отсутствовали. В темных провалах ничего нельзя было разглядеть. Дорога была мертва.

Там, где проходило пересечение железные колеи были как бы утоплены в асфальт. А на Обочине стояло какое-то старое устройство с поворотным механизмом, на который раньше явно крепилась длинная палка сейчас обломанная почти до основания. Возле него стоял мужчина в костюме, с высоким лбом, короткой стрижкой с залысиной и в забавных узких солнцезащитных очках. Он меланхолично созерцал желтые диковинные “автобусы”.

Он показался странно знакомым. Как будто из прошлой жизни. Мужчина полез во внутренний карман пиджака, сверкнул металл, — и он приложился к плоской фляжке.

— Извините, — сказал Курьер, подходя, — здравствуйте…

Мужчина покосился на него довольно скучающим взглядом и сначала, кажется, решил проигнорировать, но потом поднял бровь.

— Курьер? — спросил он. — Какая редкость в наши времена.

Как будто я ископаемое какое-то, подумал Курьер. Впрочем, так оно и есть. Я выполняю свою последнюю доставку. А может быть — вообще последнюю доставку в истории Дороги.

Мужчина протянул фляжку. Курьер не стал отказываться. Отпил немного, язык обожгло очень крепким и тяжелым, как будто даже вязким алкоголем. Закашлялся и вернул пойло хозяину.

— Пьете на работе, получается, — равнодушно сообщил мужчина.

— Мне можно, — сипло ответил Курьер. — Она не оплачивается.

Мужчина молчал. На вид ему было очень комфортно молчать. Как будто он только этим и занимается — молчит. Курьер же изводился от неясной неловкости, пытался найти тему для разговора и при этом вообще не понимал, зачем он общается с этим странным человеком.

— Простите, — сказал он, — как вас зовут?

— Виктор, — представился мужчина.

Затем вдруг протянул руку с фляжкой вперед.

— Это называется поезд, — сообщил он. — Там, где я родился, далеко позади, такая дорога шла вдоль нашей Пробки. Довольно долго, пока не ушла в сторону. Она тоже была заброшена — я видел

несколько похожих машин. Старики называли их вагонами, а соединенные все вместе — поездом. Этот мир они звали Железной дорогой. Тут это тоже так называют.

Некоторое время они молчали, глядя на останки другого мира.

— Тоже, наверное, стремились в какой-то свой Город, — пробормотал Курьер.

— Да уж. Лишний раз задумаешься о тщетности бытия. Забавно, что тут есть люди, которые поклоняются этой штуке.

— Люди всегда чему-то поклоняются, — заметил Курьер, — а если особо нечему, то начинают поклоняться друг другу. Это проще, чем думать, зачем оно все так устроено.

Виктор просто медленно покивал и снова приложился к фляжке.

— Забавно, что все эти миры, которые пересекаются с нашей Дорогой — мертвы, — со странным смешком сообщил он.

— Не вижу ничего забавного.

— Да? Почему вы тогда не кричите в ужасе?

— Потому что…

А и действительно — почему?

— Ведь наша Дорога тоже однажды умрет. Вместе с нами.

— Что ж. Я бы закричал, но как-то неприлично, люди вокруг.

— Вот так и живем. Каждый кричит от ужаса внутри, но думает, что у других по-другому, а потому терпит.

— В чем же тогда смысл? — спросил Курьер.

— Чего? Жизни?

— Жизни. Людей. Нашего наличия в этой вселенной.

— Люди — это просто сон Дороги, которая снится сама себе.

— Сложно.

Виктор засмеялся и помотал головой.

— А вам бы попроще?

— Если честно, то да, — признался Курьер. — Я, видите ли, растерял всю свою память, а вместе с ней и способность понимать сложные метафоры.

— А с чего вы взяли. что я говорю метафорами? Посмотрите на этих людей вокруг. Я что — не прав?

— Люди как люди.

— Да. Люди как люди. Постоянно отправляются в путешествие, которое закончилось за секунду до того, как они успели выехать.

— А это еще что такое?

— Смысл Дороги. Буквально.

— Понимаю. Продвижение, — Курьер важно кивнул.

— Ну… и оно тоже, — Виктор запрокинул голову и потряс фляжку над открытым ртом. Несколько темных янтарных капель сорвалось вниз.

— Слушайте, Виктор… А чем вы занимаетесь?

— Пью.

— А в целом?

— А в целом я занимаюсь самой сложной вещью в жизни.

Он замолчал, как будто бы все этим объяснил. Курьер осознал, что у него немного кружится голова, как будто это он только что опустошил фляжку крепкой алкашки.

— И что же самое сложное в жизни? — спросил он.

— Ехать по Дороге и не быть частью движения.

Град Обреченный

Бывали места, где машины остановились навсегда. Никто в них не жил — они были пусты, будто их хозяева в одну секунду исчезли. На асфальте валялись детские игрушки, зубные щетки, книги с выгоревшими до нечитаемости обложками. И почему-то — гайки и болты. Они иногда попадали под ногу и улетали вперед от невольного пинка. Общие кухни заросли мхом и плесенью, махрово разросшейся из недоваренного обеда. Ветер гонял листки трухлявой исписанной бумаги.

При этом сами машины выглядели не тронуто. Они не сгорели, как не раз видел Курьер до этого. На них не видны следы пуль, борьбы, взрывов, как тоже часто бывало. Люди просто исчезли. Может быть, вчера, может быть, годы назад.

Конечно, скоро люди позади осознают, что Пробка не движется слишком долго. Придут сюда, рабочие автомобили возьмут себе, а плохие спихнут за Обочину. Но пока все это стоит и покрывается дорожной пылью — она скрывает все, что таится за лобовыми стеклами. Сглаживает историю, что когда-то делалась здесь. Историю мелких и крупных дел, вершащихся в Пробке.

Курьер брел между машинами. Иногда он выставлял палец и оставлял длинный след на боках автомобилей — он тянулся десятки метров до момента, где Курьеру не надоедало это занятие. Затем он с интересом рассматривал блестящую пыль на подушечке, на то как четко проявился отпечаток пальца — приобретя сходство с протектором на шинах. Затем он отряхивал палец и шел дальше. Временами он останавливался, брал притороченный к рюкзаку щуп и проверял бензобак той или иной машины. В таких местах топлива было много — и он предпочитал брать столько сколько мог унести. Потом можно было пополнить запасы воды и еды там, где бензак дороже всего. В некоторых местах он считался даже официальной валютой.

Самое интересное было впереди. Там, где Пробка исчезает — потому что ушла далеко вперед. Это будет пустая лента асфальта

заполненная тем мелким мусором, что человечество всегда оставляет после себя.

Солнце закатывалось — но не наполняло мир блеском, как это происходило в жилых частях Пробки. Покрытые пылью стекла и бока машин давно не сверкали на солнце. А потому мир куда быстрее погружался во тьму — непривычно быстро. Нужно было найти автомобиль, подходящий для ночлега. Курьер достал фляжку с водой и поболтал ею у уха. Затем медленно открутил крышку и запрокинув голову сделал пару глотков. Воды было мало. Предстояло ее добыть.

Пройду еще километр и займусь этим, подумал Курьер. Пока совсем не стемнело. Но километр пройти ему не удалось. На очередном шаге порвалась бечевка, скрепляющая вместе кроссовок и подошву на правой ноге. Ботинок тут же бесстыдно раскрыл пасть и на белый свет показались грязные пальцы ног Курьера.

Он остановился, и некоторое время стоял неподвижно, с досадой глядя вдаль. И только потом посмотрел вниз. Вздохнув он разулся, связал обувь шнурками и повесил их на рюкзак. Надо будет искать машину здесь. И стоит пробежаться по багажникам — может, найдется обувь подходящего размера.

Открытые нараспашку машины для ночлега не подходили — салон покрылся толстым слоем пыли. Поэтому нужно было выбирать среди машин с плотно закрытыми дверями. Курьер знал, что его может ждать за запыленными окнами. Он осторожно стер ладонью монохромную полосу с переднего окна ближайшего автомобиля, высвобождая закатный блеск стекла. Внутри было пусто — никаких признаков мертвых тел. На всякий Случай курьер стер пыль и с заднего стекла и заглянул туда. Однажды он уже столкнулся с трупом младенца в автомобиле. Теперь он куда осторожнее.

Затем Курьер попробовал открыть водительскую дверь. Она легко поддалась — и логично. В таких местах все пустые машины открыты — зачем запирать то, куда не собираешься возвращаться? Внутри почти не было пыли — только тонкий налет, на который можно было не обращать внимания. Курьер с удовольствием стянул с себя рюкзак и закинул его внутрь. Осторожно снял с плеча почтовую сумку и гораздо бережнее поставил ее на пассажирское сиденье. Немного постоял, привыкая к неожиданной легкости после стольких часов тяжести на плечах. Размялся немного, поворачиваясь всем корпусом.

Первый багажник — у «своей» же машины. Он нажал кнопку рядом с водительским креслом и услышал привычный звук. Для других багажников у него есть другое средство — кусок толстой проволоки.

Он обошел машину и поднял крышку. Запасное колесо. Канистра. Курьер взял канистру и сразу, по тому как рука легко ее вытянула, понял — пустая. Бросил обратно. Больше в багажнике ничего не было — кроме мелких катышков бумаги и следов от машинного масла. Он захлопнул багажник и перешел к следующей машине. Сунул проволоку в замочную скважину, несколько осторожных движений — и крышка пошла вверх. Багажник был полон грязного белья. Курьер сгреб это руками выбросил на асфальт. И увидел еду — две высокие консервы и буханка до черноты заплесневелого хлеба. Он достал консервы — этикетка была содрана с обоих, но у одной в углу остался клочок бумаги. По нему можно было предположить, что это бобы.

Не самый лучший ужин, но в походных условиях выбирать не приходится. Решив, что остальные автомобили он осмотрит с утра, Курьер вернулся к ночлежному автомобилю, прижимая банки к груди. Забравшись внутрь он поставил их между сиденьями и осмотрелся. Передняя панель была пластиковая, обивка сидений — из велюра. Курьер взял рюкзак с пассажирского места и вынул консервный нож. Вскрывая банку, он подумал, что неплохо бы выйти и протереть лобовое стекло — чтобы с утра его разбудили первые лучи солнца. Но потом придумал другой вариант и отложил полураскрытую банку в сторону. Из нее уже пошел запах соуса и оголодавшего Курьера рот наполнился слюной. Но все же он сначала сунул острие консервного ножа в зажигание и осторожно его повернул на одно деление. Обычно аккумуляторы у автомобилей без ухода быстро протухают, но ему повезло — приборная панель тускло засветилась и раздалось привычное «тынь-тынь-тынь», предупреждающее об открытой двери.

Курьер захлопнул дверь и включил дворники. Они пошли сначала с трудом, но потом резко дернулись — пыль взметнулась вихрем — и пошли-пошли чистить стекло. Без особых надежд он нажал на кнопку обмыва, но воды, понятное дело, не было. Впрочем, вскоре уже можно было разглядеть ряды запыленных машин, длинные тени от них и красные отсветы заката. Решив, что этого достаточно, Курьер отключил дворники. На всякий случай включил и покрутил каналы

радио — мало ли — но слышал только помехи. Затем он вернулся к бобам, достал свою погнутую временем ложку и принялся неторопливо есть свой холодный ужин.

Курьеру нравилось, когда тишина Пробки отступала. Тогда начинали проявляться другие звуки. Вдруг начинал разговаривать Немир — из-за Обочины доносился шум травы, огрызающейся ветру. Слышны были потрескивания ржавчины и стоны уцелевшего стекла на старых автомобилях в кювете. Если хорошенько послушать в ночи — Немир не кажется смертью. Кажется, что только глупец может не замечать, что помимо серой полоски Дороги есть еще огромное живое пространство. Просто бери и слушай и все станет понятно.

Иногда Курьеру казалось, что он слышит движение времени — тяжелый скрип его колес, дыхание его мотора, звук дробящегося асфальта. Время — огромная машина разрушения. Оно там, позади — сдирает дорогу с кожи мира, а вместе с ней — всех, кто не успел. Продвижение — это не стремление Пробки куда-то. Это просто побег от неизбежного.

Наверное, именно поэтому Курьер есть Курьер. Медленное движение Пробки заставляет помнить о времени и о вечном страхе не успеть. Возможность бродить туда-сюда, не заботясь о том, сколько Продвижений прошло, где достать достаточно бензака для следующего... Когда ты здесь, вдали от этой суеты, начинаешь измерять время другими способами — более размеренными и четкими. Вдруг вспоминаешь про существование дней и ночей, что они складываются в недели и месяцы, а потом — и в годы. Старый способ измерять время, но все же куда более приятный, чем Продвижение. Не измеряют люди же свой возраст Продвижениями.

Курьер приоткрыл окно, легкий поток воздуха погнал тонкую пыль по приборной панели — она завихрилась, заиграла в лунном преломленном лобовым стеклом свете. И вдруг что-то слетело вниз и упало на кресло рядом с рюкзаком. Фотография. Он поднял ее и осторожно стер пыль с изображения. Фотография была нечеткая и уже немного выцветшая. Но все же он разглядел две фигуры — мужчину и женщину. Женщина держала фотоаппарат — делала селфи, а мужчина махал рукой на фоне. Дальше легко угадывалась местная Обочина — почти без кювета с горой ржавых машин выше уровня Дороги. Он вернул фотографию на приборную панель.

Сон не шел, потому он из любопытства открыл бардачок — обычно там хранили письма и другие записи. Курьер любил читать, то что было доставлено когда-то давно, а еще больше — то, что никогда не дошло до адресата. Обычно, когда приходилось бросать автомобили, люди не заботились о том, чтобы сохранить старую макулатуру и оставляли ее истлевать здесь.

В бардачке было много бумаги — но среди них не было ни одного письма. Курьер достал весь ворох и положил себе на колени. Основной массой были счета — налоги за проживание, обеды и ужины в общей кухне, пользование душем и туалетом, словом, обычная рутина Пробки.

Кроме счетов были штрафы — не очень много — за ночной шум. Парочка на фотографии была молодой, так что это тоже понятно. И хоть Курьер не видел вечеринок уже очень давно, он все равно улыбнулся — это была жизнь, чье-то живое время, запечатленное на серых штрафных бланках. В таких мертвых отрезках Пробки, как этот, пульсирующая, полнокровная человеческая суть чувствуется очень остро. Курьер знал, почему он, как вампир, жадно поглощал это из старой макулатуры. Потому что никогда не чувствовал себя живым. Он как будто наблюдал за жизнью со стороны, будучи как бы отдельно от нее. Ему казалось, что он может ступить в Немир и тот примет его как своего. Наверняка это чувство — просто старый застарелый шрам одиночества у него в душе, но мечтать о том, что это все просто такая особенность, да еще дающая неожиданную власть, было приятнее, чем думать о том, что ты просто всю жизнь наедине с собой.

Еще там были тонкие журналы комиксов — трехцветные, отпечатанные на дрянной бумаге. Вот это было интересно. Они явно были местного производства. Курьер очень редко встречал в Пробке проявления искусства. Обычно люди пользовались тем, что им осталось от прошлого — книгами, затертыми кинопленками, музыкой на дисках.

Но в некоторых местах — очень хороших отрезках Пробки — процветало и творчество. Люди выпускали газеты, писали книги, рисовали картины, разукрашивали барьер Антимира граффити. Курьер мало понимал в этом, но всегда восхищался людьми способными на такое. Они будто становились более чем живыми — побеждали тот

изъян, что вечно сопровождал саму жизнь — ее непреложную окончательность.

Иногда Курьеру казалось, что он бежит именно от нее — смерти. Ведь именно к этому ведет время любое живое существо — будь то человек или монстр из Немира.

Курьер полистал случайно выбранный комикс. Художник довольно точно изобразил Пробку — со всеми мелкими деталями, мусором, пятнами на автомобилях, бликами света… но больше всего Курьеру понравились будто выхваченные из времени случайные выражения лиц у персонажей массовки. Это были настоящие жители Пробки, неподдельные. В отличие от главных героев — бравой девушки в купальнике и с длинным мечом и слишком мускулистого мужчины с огромной палицей, сделанной из глушителя и хромированного диска. Они спасали Пробку, как понял Курьер, от черных извивающихся щупалец, тянущихся из-за Обочины.

Он вгляделся в лица героев и подумал, что возможно это эти ребята с фотографии. Возможно, они сами придумывали и рисовали этот комикс, а потом распространяли его по Пробке. Он попытался представить их за работой. Как ему казалось, рисовала девушка — забиралась на крышу автомобиля и смотрела на Пробку с карандашом в руке. А парень — более легкомысленный и полный детских мечтаний — придумывал сюжет о том, как они вдвоем побеждали врагов и спасали мир.

Он отложил комикс и остальную бумагу и огляделся. Стало совсем темно. Пробка пустовала. Может быть, их всех забрали черные щупальца? Может, комикс — отчаянная попытка всех спасти хотя бы в воображении? Так хотелось думать — потому что как правило участки Пробки вымирают из-за действий самих людей. Неизвестно, почему они покинули это место, но почти с уверенностью можно говорить, что они сами виноваты в причине своего ухода. Такова Дорога.

Курьер наконец-то почувствовал, что засыпает и приготовился ко сну — отключил зажигание, прикрыл окно, но не до конца, чтобы приходил свежий воздух и разложил сиденье.

Пикник на Обочине

Их было двое, они сидели на крыше проржавелого автомобиля, который большей частью лежал за Обочиной. Мужчина и женщина. Старше Курьера — на вид уже больше пятидесяти. Между ними была разложена простыня, а на ней стояли раскрытые консервы, бутылки с водой и еще какая-то еда.

Женщина первая заметила бредущего Курьера и помахала ему рукой. Мужчина обернулся — Курьер увидел седоватую бороду, сквозь которую сложно было распознать эмоции. Мужчина просто кивнул головой, мол, «подходи».

Он был и не против. Плечи ныли, хотелось остановиться и скинуть рюкзак. А эти люди не были похожи на опасных. Он направился к ним, снимая лямки по пути. Подойдя, он прислонил рюкзак к колесу со смятой и перекрученной шиной и внимательно оглядел пригласивших.

— Добрый день, — сказал мужчина, — издалека идете?

Курьер кивнул. Как давно он не слышал этого выражения — «Добрый день».

— Страшно представить из какого далека, — ответил он, — вы не против, если я передохну с вами?

— Конечно, — отозвалась женщина, — хотите рыбы? У нас рыбные консервы.

Курьер сел на багажник автомобиля, суеверно держась подальше от той части, что лежала за Обочиной.

— Нет, — сказал он, — не хочу. Берегите еду для себя.

— Если нужно, мы найдем еще, — сказал ему мужчина, — угощайтесь.

Курьер помотал головой.

— В округе почти нет устойчивых поселений, — сказал он, — даже в Антимире. Не хочу вас обделять. Еда сейчас на вес золота.

Мужчина улыбнулся и покачал головой.

— Меня зовут Блю, — он протянул руку. Курьер, слегка замешкавшись, пожал ее. Этого жеста он тоже не видел уже давно. — А это Марго.

— Курьер, — ответил он. Мужчина удивленно пошевелил бородой.

— И все? — переспросил он. — Просто Курьер?

— Я утратил свое настоящее имя, — коротко ответил он.

Блю не стал ничего уточнять.

— Вы, должно быть, несете какие-то вести? — оживилась Марго.

— Нес когда-то, — Курьер усмехнулся и достал из-за пазухи фляжку с водой. Сделал глоток, — теперь себя бы унести. Осталось только одно письмо.

На некоторое время повисло молчание. Курьер пил небольшими глотками и изредка поглядывал на пару. Что-то в них было умиротворяющее. Как и во всем этом странном пикнике на обочине. Они неспешно ели консервы, поглядывали на Немир — такой близкий отсюда, улыбались друг другу.

— А вы откуда?

— Да фактически ниоткуда, — отозвалась Марго. — Мы живем здесь.

Курьер оглядел ржавое корыто, на котором они сидели. Марго засмеялась.

— Не конкретно здесь, конечно, — пояснила она, — а на этом участке. Ходим от машины к машине… иногда уходим на пустую часть вот как сейчас, чтобы не сойти с ума от тоски. Когда-то здесь жило много людей.

— Вы видели это место до того… как все опустело? — удивился Курьер.

— Мы не просто видели, мы тут жили, — вступил в разговор Блю, но сразу же замолчал.

Курьер внимательно присмотрелся к ним. Ведь эта пара — это могли быть те самые люди, которые рисовали те комиксы про щупальца из-за обочины. Курьер вызывал в памяти нечеткие линии героев и попытался сравнить их с живыми и настоящими лицами — и ничего не вышло. Бред, подумал он, там жили сотни мужчин и женщин, кто угодно мог нарисовать комикс. И они наверняка были моложе.

— Что произошло? — спросил он.

Блю обернулся на Марго — между ними произошел какой-то немой обмен мыслями. Они явно о чем-то решали, общаясь только

глазами. После этого Блю повернулся обратно.

— Появилась рябь, — коротко сказал он.

— Что?

— Рябь, — повторил Блю, как будто от этого стало понятнее. — Марево такое в воздухе, как от асфальта в жаркий день… вот только день был совсем не жаркий. И люди просто стали исчезать в ней… Будто таять, постепенно растворяясь в воздухе.

Курьер сделал еще глоток. Рябь… Больше всего это походило на байку, которые он часто слышал за время странствий, чем на реальность. Но он верил, потому что знал, что на Дороге существует гораздо больше всего, что он сам видел. Возможно все.

— Как вы спаслись? — спросил он.

— Спаслись не только мы, — Марго посмотрела вдоль дороги вдаль. — Все, кто вовремя понял, что лучше не выходить из машин — заперлись там. Нас было много, но машины разделяла это рябь. Мы не могли ни подойти друг к другу, ни обменяться едой и вещами. Могли только переговариваться.

Блю достал из кармана небольшой мешочек, внутри что-то перекатывалось с глухим треском. Он взвесил мешочек на ладони.

— Мы решили, что можно перебрасываться, — продолжил он мысль жены, — у кого-то было много еды, а кто-то уже голодал. Кому-то нужны были теплые вещи или вода… Но рябь забирала и вещи! Бросаешь консерву — а она раз и растаяла в мареве. Некоторым удавалось бросать вещи по большой дуге — чтобы она перелетала рябь — но тогда сложнее попасть и нужно опасно высовываться. Никто не хотел рисковать. Но пропадающие вещи кое-что нам подсказали…

Блю залез в мешочек двумя пальцами и вытащил оттуда небольшую гайку. Протянул Курьеру, тот принял ее на ладонь. Самая обычная гайка — можно было скрутить такую с колеса любого автомобиля.

— Гайки спасли нас, — пояснил Блю. — Мы поняли, что можно кидать какие-то ненужные вещи — и таким образом находить бреши в ряби. Потом мы их как-то обозначали… и потихоньку нашли путь прочь. Все ушли. Мы тоже сначала. Но остались неподалеку, скручивали гайки отовсюду, я разбирал подшипники — шарики тоже отлично подходили. В итоге рябь начала слабеть и рассеиваться,

оставались только отдельные очаги. Мы находили их бросками гаек и помечали это место. А потом все пропало совсем.

Курьер поднял гайку на уровень глаз и посмотрел сквозь нее на солнце.

— Не боитесь, что рябь появится снова? — спросил он.

— Боимся, — ответила Марго, — но втайне об этом мечтаем.

— Мы потеряли сына, — пояснил Блю, — потому и остались. Мы подумали — ведь никто не видел, что рябь убивает… может она… куда-нибудь перемещает людей, и они на самом деле живы. Надо остаться — возможно, сын найдет нас.

— Сочувствую, — отозвался Курьер. Он не мог представить, как это — потерять кого-то очень близкого. Кажется, он терял кого-то в прошлой жизни, но она стерлась из головы — к счастью, не по кому было горевать.

— Что за письмо вы несете? — спросила Марго.

— Я получил его очень давно в очень странном месте, — ответил Курьер, — и до сих пор ищу Адресата. Когда-нибудь я его встречу, хотя Дорога выглядит все мертвее и мертвее с каждым километром.

— Значит, вы надеетесь также, как и мы, — ответила Марго.

Уместна ли надежда в месте, где какая-то рябь забирает твоих родных? Курьер забыл, что такое чувствовать близость, но ему казалось, что если бы у него была жена, он бы хотел переместиться в более живую часть Пробки.

Надежды нет. Есть цель. Адресат. Только и всего. Жизнь проще, когда ты не таскаешь с собой багаж памяти.

— Спасибо за компанию, — сказал Курьер и нагнулся за рюкзаком, — если хотите передать кому-то весточку…

— Впереди? — Блю посмотрел вперед на пустую Дорогу, — Если только призракам прошлого.

— Да, прошлое — это не ко мне.

Дорога

Курьер не видел людей уже несколько дней. Дорога была пуста в обе стороны от горизонта и до горизонта. С этой стороны это не было странно — все же он оставил позади целую кучу пустующих машин. Те, кто ждут Продвижения за ними еще долго не поймут, что что-то не так. А вот то, что пустовала и встречка его беспокоило.

А потом еще добавился пепел. Черный, струистый пепел стал падать с неба как дождь. Он очень быстро покрыл рюкзак и плечи, очень быстро забился в уголки глаз и в ноздри. Весь мир вдруг стал пахнуть одинаково — как те консервные банки, которые курильщики пришпиливали к зеркалам своих авто, чтобы было удобно курить не отходя от дома.

Наверняка пепел был связан с этой странной пустотой. На Дороге не бывает так, что два странных обстоятельства не связаны. Но идей о том, что происходит не было. Более того, появилось странное чувство, что он уже не увидит привычный пейзаж Пробки. Что он зашел слишком далеко в своем стремлении доставить письмо.

На следующий день странный дождь не прекратился, но зато Курьер встретил других и сначала ужасно обрадовался. Он заметил их издалека — они шли навстречу. Двое. Мужчина и ребенок. Когда их стало лучше видно, Курьер понял, что его воодушевление преждевременно.

Они толкали перед собой продуктовую тележку — она оставляла за собой узкий след в черном покрывале из пепла, такой непривычный, когда всю жизнь смотришь на следы шин. На мгновение Курьер задумался о происхождении названия «продуктовая тележка» и вообще о наличии этого выражения в его голове. Идти навстречу он не стал — прислонился к барьеру Антимира и стал ждать, стараясь всем видом показать, что он не опасен.

В какой-то момент они шарахнулись от него — оставалось метров сто. Скрипнули колесики по асфальту, тележка круто повернула, и они быстрыми шагами отошли к Обочине.

Кто их так запугал, интересно?

Когда оставалось метров шестьдесят они и вовсе остановились. Мужчина отпустил тележку, сел перед мальчиком на корточки и положил ему руки на плечи. Видимо, говорил какую-то важную напутственную речь.

Курьер хотел только спросить, есть ли впереди какая-то жизнь и немного поторговать — возможно, они согласятся обменять немного бензина на воду и пару консервов. Пока они там возились, он разглядывал их, и все больше понимал, что дальше по дороге еще очень долго ничего не будет. Мужчина высокий, седой, с бородой. В куртке, несмотря на мягко говоря теплую погоду. Куртка будто с чужого плеча — коротка в руках и еле-еле прикрывает поясницу. Волосы уже седые… или это просто пепел застрял у него в бороде? Мальчик — чумазый, напуганный. В свитере, который весь пропитался падающей с неба чернотой, но с трудом можно разглядеть вязаные цветные ромбы на груди. Можно было предположить, что они издалека — последние местные, с кем Курьер разговаривал вряд ли вообще знали, что такое свитер или куртка. В этих местах Дороги не бывает ничего кроме обычной жары и адской жары, которые периодически сменяют друг друга. И единственное объяснение, почему они одеты так — у них просто нет другой одежды.

Тревожный ком в груди Курьера опасно зашевелился. Когда у встречных нет одежды по погоде — это всегда дурной знак.

В конце концов, они пришли к какому-то решению. Мужчина оставил мальчика с тележкой, оглянулся — очень внимательно — и пошел навстречу курьеру. Шел долго, не прямо по диагонали через всю дорогу, а будто по дуге — осторожно, медленно приближаясь, будто Курьер — монстр, порождение Немира, а не человек.

Когда между ними осталось двадцать шагов, Курьер приветливо кивнул. Точнее, это он так думал, что приветливо, а вышло скорее угрюмо, сказывалась усталость и ночевка под открытым небом. Мужчина остановился.

— Здравствуйте, — сказал он. Чувствовался чудной акцент. Точно из далеких мест — может из диких мест Пробки, где до сих пор царит хаос и анархия. Возможно, потому и зашуганный такой.

— Я безоружен, — ответил Курьер, — и почти не опасен.

— Все так говорят, — ответил мужчина и отряхнул голову от пепла. Седины меньше не стало. — Мы хотим пройти.

— Так идите, — пожал плечами Курьер.

Мужчина обернулся на мальчика. Потом долго смотрел в глаза — будто проверял что-то. А потом посмотрел вдоль дороги — вперед.

— Вы оттуда? — спросил он. — Как там?

— Явно безопаснее, чем то место, откуда вы, — ответил Курьер. — Вы чем-то напуганы. Мне тоже стоит спросить о том, что меня ждет?

— Мы издалека. Всякое было по пути.

Курьер кивнул. Посмотрел через плечо мужчины на тележку.

— У вас много воды, — сказал он, заметив играющие на солнце зайчики от пластиковых бутылок. — Я бы купил немного. Вас впереди ждет пустой, но все же более живой район. А мне еще топать по этой пустоши.

— Вы хотите купить? — удивился мужчина. — Чем же вы расплатитесь?

— Разве вам ничего не нужно? Бензин?

Мужчина помотал головой. Это было удивительно. Всем в Пробке нужен был бензин. Никто и никогда не отказывался от него просто так.

— Там впереди за него много что готовы отдать, — может, они не в курсе, стоит объяснить им, ведь и правда дикие какие-то, — еду, крышу над головой… душ.

— Оружие. Обрез. Пистолет. Пару обойм. Это я бы купил.

— Я же сказал, что безоружен.

— Все так говорят, — наверное, это была его любимая фраза.

Курьер решил пока перевести тему.

— Ваш сын? — он кивнул в сторону Обочины.

— Да. Мы ищем безопасное место.

— Значит, скоро найдете.

В глазах одно сомнение. И страх. И подозрительность. Не верит никому. Возможно, это хорошее качество.

— Если у вас остался кто-то позади… за бутылку воды я мог бы передать письмо, — попробовал Курьер новую попытку. — Это моя работа. Письма разносить.

— Позади?

Курьер удивился.

— Ну да, — сказал он и указал глазами против движения Пробки, — там.

Мужчина посмотрел туда. Смотрел долго.

— Нет, — ответил он, — там у нас никого нет… нигде никого нет.

— Грустная история, — заметил Курьер.

— Да уж… — мужчина помялся. — Может, я могу дать вам воды просто так.

Курьер улыбнулся. Это был интересный поворот.

— Но вы не хотите отдавать ее просто так, да?

Мужчина кивнул.

— Но вам она нужна, — сразу после добавил он. — Там еще долго… не будет никого.

Курьер наклонился к рюкзаку и отвязал одну из маленьких канистр. Выпрямился и протянул мужчине.

— Здесь литр, — сказал он. — Это бензин. За столько вы в первом же людном месте вы сможете купить десять литров воды. Там, где бензин в дефиците — и того больше. Но мне нужна пара бутылок. И пара консервов. Вы сейчас думаете, что он вам не нужен. Но советую взять.

Мужчина думал. Пепел ложился ему на плечи. Обратив на это внимание, Курьер снял фуражку и отряхнул ее. Взлетело облако, запах застарелых бычков от сигарет усилился в разы. Светлая ткань приобрела естественный камуфляж — вся в серо-черных разводах. Надев головной убор обратно, Курьер оттолкнулся задом от барьера и пошел навстречу мужчине.

Тот сначала отступил на шаг назад, потом тоже пошел на встречу. Взял в руки канистру и внимательно осмотрел его. Пальцы у него были длинные, вены просвечивали сквозь бледную кожу и грязь. Ногти все сбитые. Хотя Курьер выглядел не намного лучше. Во всяком случае, грязи на нем было не меньше.

— Десять литров воды. Вот за это?

— Странно, что вы не в курсе, — Курьер разглядывал лицо мужчины, пока оно было близко. Морщины вокруг глаз и рта. Заросшие проседью щеки запали. Видно, что последнее отдает ребенку, а себя обделяет. Под глазами налет пережитого — бессонные ночи, страх и внутренняя борьба.

Мужчина вдруг усмехнулся — так странно было видеть появившуюся на миг улыбку на его изможденном лице.

— Странно, что вы не в курсе, — ответил он. — Хорошо. Сейчас принесу воду. И одну консерву. Одну. Окей?

«Окей» — еще одно чудное слово. Откуда-то оттуда же, что и «продуктовая тележка». Курьер хотел спросить по поводу чего это он не в курсе, но не стал, так как почувствовал, что от ответа понесет такой бездной, какая перебьет все многочисленные странности, что он встретил в этих дебрях. Он смотрел, как мужчина вернулся к тележке и как стал осторожно копаться там. Ребенок что-то спросил — Курьер увидел движение губ и уловил обрывок тихого хрипловатого детского голоса, но ничего не разобрал. Вскоре мужчина пошел обратно — с двумя бутылками под мышкой и большой банкой консервов в руках.

— Говядина с бобами, — сказал он, подходя, — и вода.

— Спасибо, — кивнул Курьер, принимая товар, — Сразу уходите?

— Да, пойдем дальше. Хотим найти место получше для ночлега.

— Славный у вас мальчуган, — ответил Курьер. — Счастливого пути.

— И вам тоже, — кивнул мужчина. — Куда бы он не лежал.

Он развернулся и пошел обратно к сыну и своим пожиткам. Курьер пару секунд глядел ему в спину — на черные разводы, на вылезший клочьями пух, на — неожиданно — темные пятна, похожие на кровь. Потом вернулся к рюкзаку и стал укладывать новоприобретенное. Слушал, как скрипит мимо него тележка, упихивая банку с говядиной в сумку так, чтобы не помять драгоценное письмо. Скрип удалялся. Долетали обрывки голоса мальчика. Что отвечал ему отец, слышно не было совсем — ветер не доносил частоты его низкого голоса.

А в раю одиноко

Иногда, в редкие моменты отдыха, Курьер присаживался, отложив в сторону сумку, сняв свою форменную кепку и прислонившись спиной к иногда прохладному, а иногда излишне теплому Барьеру.

Дорога пустовала уже много дней. Может быть и много недель — он не помнил, когда последний раз видел лицо человека. Впервые на его памяти Дорога была совершенно пуста с обеих сторон — если не считать песка, принесенного из Немира. Возможно, это конец мира и дальше только пустота, где он уже никогда никого не встретит.

Иногда в такие моменты Курьер долго копался в сумке и доставал письмо. Он никогда не вскрывал ветхий конверт — где-то в углу сознания сидели воспоминания о рабочей этике. Он просто всматривался в него, а иногда и в фотографию Адресата.

Силился вспомнить, кто вручил ему письмо — последнее письмо, которое он обещал доставить. Он начал забывать об этом и шел просто по инерции, не осознавая зачем идет и кто он такой. Возможно, он уже давно прошел мимо Адресата — тот стоял с протянутой рукой, улыбался долгожданным новостям, — протопал мимо, в забытьи, глаза устремлены вдаль, Дорога съела его, поглотила. Серая асфальтовая стрела пронзила мозг через глаз, вышла из затылка — и покатилась себе дальше назад, неся на себе машины, людей и прошлое. Письмо стерлось в пыль, ноги в кровь, плечи до кости. А он все бредет, забыв зачем и почему. Может, он не был никогда Курьером? Может, он все выдумал? И выдумал себе прошлое, заставил себя в него поверить, обозвался Курьером. Мол, де я иду не просто так — я Курьер, я несу благую (что?) весть. Мать — лишь морок. Сиденья родительского седана — дурной сон. Папа — понарошку.

Я такой не один, думал Курьер, будто оправдываясь перед желтой бумагой конверта. Не счесть людей, живущих придуманными жизнями, добровольно обманутых самими собой. Ох, эти жалкие, опустившие глаза или воздевшие их в небо — всегда выше или ниже реальности, чтобы невзначай не вступить в эту прогорклую, серую жизнь, которая и стала серой, потому что они решили, что можно

выдумать себе другую жизнь и прошлое, прожить ее в своей голове — а реальность пусть остается какой есть.

И она, реальность, сгнила без присмотра, как когда-нибудь сгниют ноги Курьера — тогда он остановится, свесит их с Обочины и будет ждать, пока Немир не заберет его.

А может он вообще появился только вчера — и ничего не было до этого, это только специальная такая завеса, чтобы не сойти с ума от бесконечной пустоты собственного сознания. Мозг сам заполняет его, чтобы миссия — неизвестная, ненужная никому, просто самовоспроизводящаяся — выполнялась. И завтра он снова будет создан заново, а вот эти мысли и все воспоминания о сегодня — уже вчера — всего лишь завеса, чтобы не сойти с ума, мусор памяти…

А может он, Курьер — лишь чье-то воспоминание или греза. Он идет сквозь мир, где Рябь, где пепел с неба, где Дорога пуста, сквозь больную фантазию Великого Инженера, который проложил Дорогу посредь Немира, сошел с ума, натыкал дорожных знаков, бросил Барьер по центру — и умер, не успев рассказать бедным людям своего замысла или что его не было. И люди ходят, пытаются что-то понять, кланяются знакам, воздевают руки к небесам, мечтают о Городе Золотом — не представляя, что нет никакого резона искать смысл, потому что все это — гротескная, многоугольная, изломанная фантазия идиота, которого некоторые почему-то считают великим создателем всего.

Он всматривался в конверт — иногда так долго, что начинало казаться, что конверт начинает смотреть в ответ, как бездна Немира, если вовремя не отвести взгляд. Вдруг сквозь бумагу просачиваются буквы — и вот уже Курьер читает письмо не распечатав конверта.

От текста екает сердце — он внезапно понимает откуда письмо, где он встретил Отправителя и как теперь далеко от него и от места, из которого только сумасшедший уйдет.

Каждый день я спрашиваю себя, говорит Конверт голосом Отправителя, таким искаженным голосом, что непонятно мужчина это или женщина. Будто слушаешь запись на давно истертой пленке диктофона…

Каждый день я спрашиваю себя, возможно ли снова прожить эту жизнь. Но без той тоски и тревоги, что сопровождает нас на всем ее протяжении. Можно ли вернуться к началу. Снова пройтись по Дороге,

будто впервые. Впервые поцеловать кого-то. Потом я понимаю, что мои ошибки, мои провалы — уже не исправить. Столько ошибок было совершено… Каждый выбор — ошибка. Остаться или уйти. Быть вместе или нет. Пешком или на автомобиле. Зачем нам вообще дана свобода выбора, если никуда не свернуть, если есть только одна прямая Дорога.

Теперь у меня новые вопросы и все они про прошлое, потому что будущего здесь как будто и не существует. Как победить уже в проигранной драке? Как извиниться перед теми, кто не с нами? Как, Город побери, увидеть тебя снова?

Впрочем, тебе вряд ли это интересно. Ты, наверное, хочешь знать, как это — быть здесь. Что ж… это не похоже на то, к чему мы привыкли. И совсем не то, что нам обещали и что мы рисовали в своих мечтах. Здесь, как бы это было не смешно, тоже никуда не свернуть, здесь царит такая же безнадега. Здесь тоже есть Дорога, и она — кольцевая. Это самая ироничная вещь на свете, и над этим хорошо бы посмеяться, но, к сожалению, губы не вспомнят как это делается.

В общем в этом раю, одиноко. Здесь нет никакого бога или создателя. Тут скучно и пусто.

И тебя слишком мало.

Конец

Курьер доставил письмо. Адресат лежал у его ног. Скелет выбелен солнцем — покоился тут неизвестно сколько времени и ждал доставки. Перед смертью человек лежал на боку, будто из последних сил приподнялся на локте, чтобы посмотреть вперед — туда, где Дорога скрывается за горизонтом. Череп скалится в пучках волос, лохмотья одежды провисли на ребрах.

Курьер понял, что достиг цели еще за пару километров до этого места. Дорога пустовала. Изможденный, будто каракулевый асфальт — от многолетней бомбардировки неистовой жарой, сменяемой внезапным холодом — сохранил остатки былого — полустертые временным следы, впечатанные по голенище трухлявые ботинки встречались то тут, то там. Где-то асфальт порыжел — в него впаяло песок из-за Обочины. А вдалеке на солнце сверкала маленькая точка — прямо с краю дороги. Здесь, в этом пустом месте, в котором не живут даже твари из Немира ничего не могло так сверкать.

Кроме…

Курьер шел на это мерцание, а рука уже сама лезла за пазуху — к фотографии. Та выцвела за много лет, покоричневела, утратила цвета. Молодой мужчина, красивый, очень умиротворенный на вид. Адресат. Курьер не помнил сколько лет искал его, но сколько он себя помнил — он занимался этой доставкой. Все, что было до — тьма. Он слишком долго шел. Его мозг размяк и сплавился в бесформенную массу, как асфальт под его ногами — за многие годы, что лучи солнца буравили череп, а он все шел-шел и шел. Такова участь Курьера. Любого.

И он не ошибся. Мерцала красивая штучка на груди у давно почившего человека. И она в точности совпадала с такой же на самой фотографии.

Курьер снял форменную кепку, вытер со лба пот и опустился на колени перед скелетом, его тень накрыла череп. Из глазницы высунулся потревоженный скорпион и тут же юркнул вокруг черепа и исчез где-то в районе затылка. Движение было таким быстрым, что Курьеру показалось, что Адресат подмигнул ему.

Он отложил кепку, снял с плеча почтовую сумку, выгреб оттуда консервы и бутылки с водой, моток бечевки для подвязывания обуви, свои ложку, консервный нож и многое другое. Добрался до внутреннего кармана на молнии и на то, что внутри — конверт из плотной бумаги.

Конверту было не меньше лет, чем костям, которым он предназначался. Кое-где бумага размахрилась, кое-где и вовсе порвалась — содержимое слегка высунулось, углом — письмо и, возможно, еще фотографии, завернутые в него. Курьер ни разу не полюбопытствовал что там и не вскрыл конверта — ни разу за все годы. Даже тогда, когда понял, что не встретит Адресата живым — либо вообще не встретит. Он чтил кодекс своей профессии. Даже сейчас. Когда из курьеров остался только он один.

Он вытащил драгоценность наружу — навстречу лучам солнца, частичкам пыли, гонимых ветром — всему тому, что разрушит, уничтожит все содержимое — и его никто так и не прочтет. Это было горько — Отправитель любил Адресата и верил в то, что тот жив.

Все эти годы Курьер нес это письмо по Дороге, изнывая от жары, стуча зубами от холода. Скрываясь от голодных оборванцев, готовых съесть себе подобного. И от вполне сытых богато разодетых господ, которые тоже были не прочь съесть себе подобного. Довольствуясь обочечными шлюхами и шикарными дамами. Сквозь густонаселенное пробочное царство. И сквозь ржавую пустоту, где никого не было на многие километры вокруг и на многие годы назад.

Он всегда знал, что Адресат получит письмо. Курьер обречен на вечное скитание до тех пор, пока не выполнит свою работу. Пусть даже она займет вечность.

Курьер положил конверт рядом с кистью правой руки скелета. Некоторое время раздумывал, не положить ли ее аккуратно поверх, но потом отказался от этой мысли — кости выглядели слишком хрупкими.

Потом он стоял на коленях, осев задом на пятки, молча глядя на труп. Можно было в принципе уже и не вставать — никогда. Он последний курьер, и он выполнил последнюю доставку на этом свете. Жить дальше было бы странно и наверняка не слишком правильно.

Но он все же зашевелился — стал собирать свои пожитки обратно в сумку. Скорпион — маленький, почти прозрачный — высунулся из

своего зубастого убежища и с любопытством подобрался к конверту.

Курьер улыбнулся — наверное, впервые за много лет. Это хорошо, подумал он. Может, это и есть Адресат — в новом, непривычном виде. И может он все-таки поймет, что это для него.

Курьер застегнул кнопки сумки, закинул ее на плечо, надел кепку на голову и, тяжело кряхтя, поднялся во весь рост. Впереди был пустой горизонт, куда разворачивалась лента дороги. Позади — то же самое.

«Что мне делать теперь?» — подумал Курьер. И сделал шаг вперед.